Предания и мифы

предания и мифы. Термин «предание» (П.) (из греч. παράδοσις, «передача», «преподавание», «предание»), в расширительном употреблении близок к термину «традиция» (то есть приблизительно «передача учения, знаний из поколения в поколение, как правило, устно»).

Но, если в европейских языках слова, восходящие к латинскому traditio, покрывают и научное, и бытовое, и религиозное значения, то в русской терминологии П. («Предание» в единственном числе) относится прежде всего к религиозной сфере (в других смыслах употребляется термин «традиция»).В религиях, ориентированных на письменные тексты (христианство, иудаизм, ислам), священное П. понимается как способ передачи религиозного учения в устной форме с помощью проповеди, обряда и т. п., существующий параллельно со священным Писанием. И П. и Писание отражают откровение, причём П. может считаться первичным по времени, но (иногда) вторичным по значению.

Эти свойства могут разделяться; так, для Ветхого завета различают первичное П., зафиксированное в Библии, и П. позднего иудаизма, частично закреплённое Талмудом.Проблема выявления первоначального П. («доканонического») может существовать и в самой религиозной системе, и в её научных исследованиях (особенно актуальна задача реконструкции доканонического П. в буддологии). В христианской теологии утверждение о том, что не всё может быть передано Писанием, считают иногда противоречащим тезису о полноте откровения в последнем, на этом основана протестантская доктрина о «достаточности Писания» (в новейшее время непопулярная и в протестантизме).

В православной традиции, наоборот, известны случаи признания примата П. над писанием (например, у А. С. Хомякова). П. может рассматриваться как сокровенное знание церкви, не сообщаемое непосвящённым, но отличающееся от эзотерического знания тем, что в случае необходимости (например, для опровержения ереси) может быть открыто оглашено в проповеди, постановлении собора и т. п.

Наконец, П. трактуется и как само знание (а не способ его сообщения), не

сформулированное в слове, позволяющее отличать истинное от ложного и постигать откровение. В этом понимании П. противопоставлено «преданиям» во множественном числе как сообщению конкретных фрагментов учения.Соотношение П. и писания в «мировых религиях» и иудаизме особенно отчётливо показывает типологическое отличие последних от «традиционных» религиозно-мифологических систем, хотя бы и существующих в письменных культурах.

В этих системах, несмотря на наличие, например в древнегреческой культуре, развитой теологии, письменные тексты не являются кодификацией мифа (кроме позднейших мифографий, занимающих явно периферийное положение), они лишь упоминают, используют, обрабатывают мифологические сюжеты, известные коллективу из П. и культа.В другом значении предания представляют собой фольклорные тексты с установкой на достоверность и с факультативным (в отличие от легенды) присутствием элемента чудесного, тексты несакрального и несказочного характера (ср. История и мифы, Легенды и мифы). В этом фольклористическом употреблении сохраняются такие черты первоначального смысла слова «предание», как истинность сообщаемого и передача знания из поколения в поколение.

Эта линейная направленность традиции принципиально важна для определения фольклорного жанра П., соотнесённого с историческим, линейным временем и историческими (или квазиисторическими) персонажами и, в отличие от легенды, никак не связанного с временем циклическим. Установка на достоверность, истинность П. отражается в таких русских жанровых определениях, используемых носителями, как «быль», «бывальщина» и т. п.

Понятие П. в своём фольклорном значении приобретает точный смысл для традиций типа европейской только в противопоставлении жанру легенды. Если в легенде фигурируют персонажи священной истории, канонизированные святые или чисто мифологические персонажи, то в П. действуют прежде всего исторические лица.

Если героем оказывается лицо, канонизированное церковью, то принадлежность его жанру П. или легенды определяется самим сюжетом: что для него существеннее, историчность данного лица (на фоне которой канонизация выступает лишь как один из ряда признаков) или же его статус святого, независимо от того, существовал ли такой человек где-либо кроме своего жития. Второй важный признак это факультативность для П. элемента «чудесного», но этот элемент вовсе не невозможен в П., и исторические лица в нём могут наделяться весьма фантастическими свойствами.

В традициях, не знающих противопоставления мирской и священной истории и (шире) не переживших смены религиозно-мифологической системы, разграничение этих жанров невозможно, в них существует единый жанр «исторического» повествования.Хотя делались попытки выделить такие виды преданий, как мифологические, натуралистические (о происхождении растений и животных), географические (о происхождении местностей, особенностей рельефа, топонимов, полезных ископаемых) и т. п., сейчас эти тексты большинство исследователей относит к жанру легенд (так называемые «мифологические П.» частично принадлежат жанру «быличек», меморатов). Этиологические тексты по своей природе относятся, конечно, к мифам и легендам, как и сюжеты, описывающие прошлое, исчезнувшее население данной местности.

Однако возможны промежуточные случаи, так как в некоторых повествованиях этого рода может отсутствовать фантастический элемент (в сюжетах о происхождении топонимов, населённых пунктов, памятников например «каменных баб» кладов). Возможно, правильнее было бы, вслед за В. Я. Проппом, выделить особый жанр этиологических рассказов, объединяющий фантастические и нефантастические тексты и противопоставленный и легендам, и преданиям.Можно выделить также подвид семейных П., передающихся внутри какого-то рода (семьи если речь идёт о краткой традиции), часто также пограничных с легендами, а с другой стороны, через введение исторических имён, соприкасающихся с историческими преданиями.

К последним близки и специфические предания с «коллективным» героем (предания о разбойниках, оккупантах и т. п.), которые, однако, тяготеют к циклизации вокруг одного героя с историческим или квазиисторическим именем (например, цикл, связанный с именем Яношика в разбойничьих преданиях у словаков). Эта тенденция к циклизации вокруг одного имени показывает, что историческое имя является конструктивным фактором преданий прежде всего исторических, образующих «ядро» жанра, к которому как периферийные явления примыкают перечисленные выше подвиды.

В исторических преданиях, например, фантастический элемент (отсутствие которого оказывается решающим жанровым признаком для других видов преданий) не разрушает границ жанра и его наличие не делает П. легендой.Будучи «историческим» жанром, П. вносит архаические схемы и мифологизирующие «коррективы» не в господствующую религиозную систему (как легенда), а в представления о мирской истории (речь не идёт, конечно, о тех культурах, в которых П. является единственным способом хранения исторической памяти). Функция П. в тех культурах, где оно противопоставлено письменным историческим жанрам (не говоря уже о научном или преднаучном историческом описании), в мифологизирующем корректировании истории, превращении бессодержательной, с мифопоэтической точки зрения, цепи событий в

набор осмысленных (то есть канонических) сюжетов, в приписывании историческим персонажам таких свойств, которые позволяют им быть значимыми персонажами и в фольклорно-мифологическом плане.

Истинность П. при этом для носителя несомненна и, видимо, превосходит достоверность письменной (в частности, официальной) истории. Для последней ссылка на П. служит (в раннеисторических письменных жанрах) доказательством и гарантией достоверности, что типологически близко к подобным же ссылкам на устную традицию в таких письменных эпосах, как «Слово о полку Игореве» («по былинам сего времени») или «Песнь о Хильдебранде», «Махабхарата» и «Рамаяна», также сообщающих об истинных событиях и нуждающихся в подтверждении своей достоверности.

Отсюда и широкое включение преданий в состав раннеисторических письменных текстов, прежде всего летописей и хроник, а также античных биографий, близких к историческим жанрам. Так, изложение мифологических сюжетов у Плутарха превращает их в некое подобие преданий.В отличие от широкого «приурочения» легенд, действие преданий происходит только в историческом времени, не вторгаясь ни во время мифическое, ни в настоящее.

Обязательной дистанцией, отделяющей их от времени носителя, П. отличается как от утопических легенд (которые описывают настоящее или эсхатологическое будущее), так и от сказа, мемората, слуха и т. п., события которых близки по времени к жизни их носителей. Если такие тексты (слухи и т. п. «актуальные» тексты) не исчезают «за давностью», то временная дистанция превращает их в предания.Хотя П. имеют и собственный набор мотивов, главным образом в них воспроизводятся традиционные мифологические схемы, приспособленные к реальным (или квазиреальным) событиям.

Чаще всего воспроизводится схема или отдельные моменты биографии культурного (или сказочного) героя (чудесное рождение, чудесные свойства или владение чудесным предметом), приписываемые историческому герою. Признаки мифологического героя подвергаются «модернизации», «социализации», отсюда распространённый в преданиях мотив героя-заступника, защитника угнетённых.Воспроизведение в исторических преданиях мифологических сюжетов и схем делает неправомочным вопрос об исторической достоверности преданий для таких традиций, где они не являются единственным видом исторической памяти, а сосуществуют с более «рациональной» историей.

Содержанием П. является не историческое событие, а воспроизводимая мифологическая схема (сходные проблемы возникают и при изучении эпоса, в котором фигурируют исторические имена, события и достоверные названия местностей). Особенно заметны эти свойства в таких поздних исторических текстах, которые вообще не трансформируют историю, но лишь отбирают из неё факты, укладывающиеся в мифологизирующую схему канонической биографии (отчасти заданную упоминавшимся выше античным жанром).

Наиболее характерный пример каноническая биография Наполеона. В том виде, в каком она существует в «массовом» сознании, она настолько препарирована этим сознанием, что дала повод пародировать её как типичный солярный миф. Таким образом, если легенда, сакрализуясь, стремится к жанру жития, то П. в своём движении в мирскую сторону вырождается в исторический анекдот.

Литература :

Костомаров Н. И., Предания первоначальной русской летописи в соображениях с русскими народными преданиями в песнях, сказках и обычаях, Собрание сочинений, т. 13, СПБ, 1905;
Пропп В. Я., Фольклор и действительность, М., 1976;
Азбелев С. Н., Отношение предания, легенды и сказки к действительности, в книге: Славянский фольклор и историческая действительность, М., 1965;
его же, Проблемы международной систематизации преданий и легенд, в книге: Русский фольклор, т. 10, М. Л., 1966;
Соколова В. К., Русские исторические предания, М., 1970;
её же, Современное состояние преданий, в книге: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII Международный съезд славистов. Варшава.

1973. Доклады советской делегации, М., 1973;
Чистов К. В., О сюжетном составе русских народных преданий и легенд, в книге: История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI Международный съезд славистов (Прага, 1968). Доклады советской делегации, М., 1968;
Богатырев П. Г., Словацкие эпические рассказы и лиро-эпические песни. («Збойницкий цикл»), М., 1963;
Путилов Б. Н., Русский и южнославянский героический эпос, М., 1971;
Гринцер П. А., Древнеиндийский эпос. Генезис и типология, М., 1974, глава 1;
Bošković-Stulli M., Narodna Predaja Volkssage kamen spoticanja u podjeli vrsta usmene proze, «Radovi Zavoda za Slavensku Filologiju», 1968, [Sv.] 10;
Aly W., Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen, 2 Aufl., Gött., 1969;
Pargiter F. E., Ancient Indian historical tradition, L., 1922;
Newman L. F., Folklore and history, «Man», 1954, v. 54, № 5;
Vansina J., La valeur historique des traditions orales, «Folia Scientifica Africae Centralis»,

1958, v. 4, № 3;
его же, De la tradition orale, Tervuren, 1961;
Dorson R., Oral tradition and written history, «Journal of the Folklore Institute», 1964, v. 1;
Pentikainen J., Grenzprobleme zwischen Memorat und Sage, «Temenos», 1968, v. 3;
Folklore Today, Bloomington, 1976;
Grelot P., Tradition, в книге: Vocabulaire de la théologie Biblique, 2 ed., P., 1970;
Lüders H., Beobachtungen über die Sprache des buddhistischen Urkanons, B., 1954;
Pérès J. B., Comme quoi Napoléon n a jamais existé, P., 1909.